

ROBERT M.
WEGNER

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО: СЕРГЕЙ ЛЕГЕЗА

OPOWIEŚCI Z
MEEKHANSKIEGO
POGRANICZA
.
PAMIĘĆ
WSZYSTKICH SŁÓW

РОБЕРТ М.
ВЕГНЕР

ПАМЯТЬ
ВСЕХ СЛОВ

СКАЗАНИЯ МЕЕХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Москва
Издательство АСТ

МЕЕКХАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Карта согласно
Кафедре Картографии
Императорского Университета.
Год 853
от основания Города

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)
В26

ROBERT M. WEGNER
Pamięć wszystkich słów

Публикуется с разрешения автора,
издательства Powergraph и при содействии
Владимира Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского: *Сергей Легеза*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Валерии Евдокимовой*
и *Ольги Зиминной*

*Во внутреннем оформлении книги использована
иллюстрация Иоланты Дыбовской*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 2015 by Robert M. Wegner
Copyright © 2015 by Powergraph
© Сергей Легеза, перевод, 2016
© В. Евдокимова, О. Зимина, иллюстрация, 2022
Copyright © 2015 for the map of Meekhan by Jolanta
Dybowska
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ПРОЛОГ

Закоулок толстым, в пару футов, слоем заполняли старые тряпки, обломки ящиков, битые горшки и прочий мусор. И крысиные катышки, чья вонь придавала каждому вдоху своеобразный привкус. В тупичке этого царства находилась огромная бочка с отверстием, прикрытым тем, что некогда было, пожалуй, конской попоной, да такой, под которой конь и подох, а самой попоне пришлось еще несколько месяцев прикрывать его труп.

Перед бочкой сидела... вероятно, старуха: о поле этой кучи костей, завернутых в несколько тряпок, можно было лишь гадать. Седые космы спадали на грязное лицо, торчащие из обтрепанных рукавов руки заканчивались почерневшими когтями, а смрад, который она источала, заставлял и вонь крысиного помета внезапно обретать приятные нотки. На донце стоящего перед ней перевернутого ведра лежало шесть костей с разноцветными гранями, старых и выглаженных так, что увидеть на них точки было почти невозможно.

Старуха трясущимися руками загребала их в кожаный стаканчик, встряхивала и кидала, и каждый бросок ее вызывал стон у сидящего напротив мужчины — дворянина, если судить по короткому вамсу из добротного материала и по атласной рубашке, чьи манжеты были украшены монограммами.

— Две пики против королевы. Но на коне — бьет трех псов. Безголовая змея грызет мышь, — бормотала она.

Каждый бросок и каждая фраза, что она хрипела горловым шепотом, приводили к тому, что мужчина горбился все сильнее, а руки, которыми он загонял кости в стаканчик, все сильнее потели и тряслись. Но игру он не прерывал.

— Император и двор, — вспыхнул он внезапной радостью после очередного броска. — Император и двор, ты, старая обманщица!

Та покачала головой.

— Судьба не врет, судьба не обманывает, — сказала она с легким упреком в голосе и добавила: — Два броска. Два броска на смерть владыки. Что поставишь?

— Все, — широко улыбнулся мужчина. — Все и еще больше.

— Больше не нужно. Всего — хватит.

Кости спрятались в стаканчик.

Иатех молча следил за игрой, ни правил, ни ставок которой он не знал. Стоя под стеной, в нескольких шагах за спиной дворянина, он, казалось, оставался совершенно невидим для играющих. Сама же игра... он уже сумел понять, что для нее важны как выброшенные точки, так и цвета. Например, последний из сделанных бросков принес дворянину расклад от одного до шести на красных гранях.

Старая женщина встряхнула стаканчиком и метнула кости на деревянное донце ведра. Те широко покатались... и остановились, открыв черные грани, украшенные белыми точками. Одна, две, три, четыре, пять, шесть.

— Врата Дома Сна.

Мужчина побледнел.

Кости в стаканчике снова загрохотали и покатались по импровизированному столику.

От одного до шести, белые грани.

— Привратник вращает ключ. Врата открываются. Смерть забирает владыку и его двор. Конец игры.

Мужчина странно рассмеялся, почти женским хихиканьем, одновременно поднимая бледную ладонь к губам.

— Еще один бросок, — прошептал он голосом, от которого по коже шли мурашки. — Один бросок. Ничего больше.

— Хорошо. Что поставишь?

— Все. Все...

— Все ты уже поставил. Нет больше ничего. — Костяной палец указал на выход из переулочка. — Ступай навстречу своей судьбе.

Дворянин поднял голову, медленно, будто лунатик, словно только очнулся ото сна, протер глаза и, покачиваясь, двинулся в указанном направлении.

Иатех подождал немного, прежде чем подошел и занял место напротив старухи.

— Всякий судьбу вызывает. Всякий выигрывает.

— Или проигрывает, Лабайя из Биука.

Он и не заметил, когда Канайонесс появилась на входе в закоулок, но сидящая перед ним женщина резво замахала руками, словно пытаясь сплести нечто из воздуха. Иатех перехватил ее ладони и прижал их к ведру. Кожаный стаканчик упал на землю, кости раскатились во все стороны, исчезнув в мусоре.

Их хозяйка с явным неодобрением прищелкнула языком.

— Ну-ну, после стольких-то лет — и такое-то приветствие... А я надеялась на кубок легкого вина и кусочек пирожного. — Она драматично вздохнула. — Скажи мне честно, ей все это еще не надоело? У нее храмы и часовенки в каждом городе, местечке и селе, даже здесь,

не далее как в двух улицах отсюда стоит ее крупный храм, а она возвращается к корням. Ты и твои сестры... таинственные Прядильщицы Предназначения, что встречаются в темных переулках, в углу трактира, на перекрестках дорог. Всегда предлагают игру с Судьбой ради исполнения любого желания, которое только может быть у человека. Одна всегда выигрывает, вторая всегда проигрывает, третья... серединка на половинку. А после пары партий — бесследно исчезают. Эйфра и правда желает развлекаться?

Старуха перестала вырывать руки, зато косо взглянула за спину Йатеха.

— Но это действует, дитя. Действует, да еще как. Все знают историю о старой Лабайе, или Китчи-от-Улыбки, или Огевре, Госпоже Несчастий. И многие нас ищут. А рассказы о тех, кто нас нашел и выиграл благодаря этому лучшую судьбу, значат куда больше, чем тысячи жертв, всесожжений, приносимых в тысячах храмов одновременно. Пробуждают веру, надежду... Так это происходило у начал мира и так будет происходить, когда звезды начнут падать на землю. Первоначальная Сила наполняется мечтаниями.

— Знаю, знаю. Любые средства хороши, чтобы обратить на себя внимание смертных. — Что-то прошелестело, треснуло с глухим звуком, когда Малышка Кана вошла глубже в переулок. — Странно, что я не слышу криков храмовой стражи... Или твоя госпожа решила меня остановить?

Йатех усилил хватку, полагая, что старуха сделает нечто глупое. Поручение Канайонесс было очень ясным: что бы ни происходило, он не может отпустить рук этой женщины или позволить ей потянуться к тому, чем она играла.

— Нет. Но знаешь, как говорят: ее миры — там, где стучат кости. А собственно, раз мы уже об этом — здесь

тоже шла игра. Я — ее жрица, а ты как раз идешь по освященной земле, дитя. Смотри внимательней, куда ставишь ноги.

— Я смотрю. К тому же — я едва лишь почистила сапоги.

Девушка села рядом с Иатехом и подняла лежащий среди мусора стаканчик.

— Сколько же лет... — Она понюхала его, словно дегустатор, пробуя аромат редкого напитка. — Это тот самый, верно? Тот самый, которым ты сыграла с ней в кости и проиграла. Один бросок ради души одного человека...

Иатех почувствовал, что смотрит на него.

— Забавно... — продолжила она. — Знаешь, я не думала, что Эйфра настолько сентиментальна. Может, я буду такой же.

Она плеснула в ладони — и стаканчик исчез.

За вуалью грязных волос глаза старухи превратились в ледяные шарики.

— Фокусы, — фыркнула она презрительно. — Моя госпожа за тобой не гонится, нежеланное дитя, но если ты захочешь, чтобы она начала, — то заберет тебя с собой.

— Ох. За мной гонится уже столько всяких, что если однажды догонят, то будет их изрядное число.

Канайонесс вздохнула, потянулась за спину и достала стаканчик.

— Я думала, что у меня выйдет лучше, но, видно, руки начали забывать умения.

Она поставила емкость на донце ведра и подняла рассыпавшиеся кости.

— Всякий судьбу вызывает. Всякий выигрывает, — пробормотала она. — И что? Сыграем?

Иатех почувствовал, как женщина каменеет. Открыла и закрыла рот, словно лишившись речи.

— Один бросок. Одной костью. Меньшее значение — выигрывает. — Малышка Кана, казалось, не заметила выражения лица старухи.

— Что... что поставишь?

— Не спрашиваешь, на что сыграю я? Тот, — она махнула рукою к выходу из переуллка, — играл на смерть жены и на наследство, которое мог бы с этого получить, верно? А я? Как полагаешь? На что сыграю?

Йатех увидел, как лоб Лабайи покрывают капельки пота.

— А на что хочешь?

— На встречу со знакомой персоной.

Воин уголком глаза отметил усмешку черноволосой девушки и был лишь благодарен, что не видит ее лица. Старуха побледнела.

— Я ищу ее вот уже много лет, но персона эта прекрасно прячется. Раз, несколько месяцев назад, нам почти удалось, но у меня отобрали возможность... разговора, а потом нас разделили. Теперь я хочу быть уверена, что найду ее и что она от меня не сбежит.

— И Судьба должна дать тебе такой шанс?

— Как видишь, я в отчаянии.

Лабайя прикрыла глаза и замерла на миг.

— Что поставишь? — Голос старухи нисколько не изменился, но в нем появилось... нечто мрачное.

— Ох, ты пришла, Эйфра. Я не думала, что ты появишься лично. — Девушка чуть наклонила голову набок, словно птица, что пытается лучше присмотреться к интересной блестяшке. — Керу'вельн, можешь ее отпустить.

Йатех выпустил худые запястья и невольно вытер руки о штаны. Кожа женщины миг назад сделалась ледяной и мокрой. Да старуха наверняка давным-давно не мылась. Он почувствовал прикосновение к плечу.

— Вынь меч.

Ифир скрежетнул об оковку ножен.

— Если я сниму руку с твоего плеча — убей ее. — Малышка Кана указала на Лабайю. — Целься в лицо.

Он упер клинок в ведро, направив рукоять в сторону сморщенного лица.

Ответила ему улыбка. Холодная и ироничная.

— Хочешь разозлить меня, Канайонесс? С той поры, как ты убегаешь, многие приносят жертвы в моих храмах с мольбами о твоей поимке. Безрезультатно. Пока что.

— Может, оттого, что я вне твоей власти, Эйфра. Хотя, если кому и удастся до меня добраться, ты ведь наверняка объявишь, что это результат твоей милости. Как обычно. А он не сумеет тебя ранить.

— Но вот мою служанку — сможет. А я плачу верностью за верность.

— Ну, если ты так говоришь...

Переулок наполняла тишина, даже отголоски с главной улицы исчезли.

— Пытаешься меня оскорбить? Чего ты хочешь?

— Я уже сказала.

— Я не вмешиваюсь в вашу войнушку. Соблюдаю нейтралитет.

Малышка Кана причмокнула, развеселившись.

— Нейтралитет... Напомни-ка мне, это что, такое мягкое определение трусости — или глупости? Никогда я не могла этого запомнить.

— Не провоцируй меня.

— А не то? Я вижу пот, что бороздит новые русла на лице твоей служанки, и все раздумываю: это ее страх или твой? Страх — хорошее чувство. Я не боюсь, ты помнишь? Вы забрали мой страх, убили его, а после позволили мне жить. Это очень глупо — позволять жить тому,

чей страх убит вашими руками. Один бросок одной кости, честный, без твоих обычных фокусов. Низшая ставка выигрывает.

— Что ты поставишь?

— Все.

Он во второй раз увидел, что старухе не хватает слов.

— Один бросок одной кости, — повторила Малышка Кана. — Выигрывает меньшая. Бросаем одну и ту же кость, не используем Сил, не разрешены крики и толчки столика. И пение. Пение — тоже запрещено. Решительно. Тот, кто так сделает, — проиграет. Это будет такое... — в словах ее таилась усмешка, — возвращение к корням. Что скажешь? Не хочешь вновь ощутить ту дрожь, когда все зависит от этой крохотной, перекатывающейся безделушки? Пережить момент, когда — прежде чем кость остановится — может произойти что угодно? Легко выигрывать у смертных, но разве тебе это не наскучило? Я готова рискнуть. Ставлю все, а ты — встречу с персоной, которую я разыскиваю. Решайся, поскольку, если я выйду из этого закоулка, следующего шанса у тебя не будет.

Богиня, скрытая в теле жрицы, кивнула.

— Ты многого требуешь... Игра может оказаться не стоящей ставки. Даже для меня.

— Тогда — я увеличу твои шансы, Эйфра. Время до рождения и безумия. Ничья тоже отдаст победу тебе.

Установилась тишина. И когда уже казалось, что ничего из спора не выйдет, они дождались медленного кивка и хриплого шепота:

— Я согласна.

Канайонесс, не отпуская плечо Иатеха, свободной рукою вбросила одну кость в стаканчик.

— Я первая.

Она крутанула посудиною.

Кость затанцевала на донце ведра, и шесть точек на красном поле издевательски им ухмыльнулись.

Хихиканье старухи звучало так, словно ремнем терли кусок стекла.

— Ты проиграла... проиграла... я еще не бросала, а ты уже проиграла. Судьба немилостива к тебе.

Малышка Кана даже не дрогнула.

— Твой бросок.

— Зачем, детка? Зачем? Я не могу выбросить семерку, а ничья приносит победу мне. Ты проиграла.

— Всякая игра должна иметь начало и конец. Эта не закончится, пока ты не бросишь.

Похожие на когти пальцы загнали кость в стаканчик.

— Ну, если правила так важны для тебя... — Лабайя энергично встряхнула посудиною, — то пусть все формальности будут исполнены.

Разноцветный кубик покатился по донцу ведра.

Ладонь Канайонесс оторвалась от плеча Йатеха, а его меч выстрелил в сторону лица старой женщины. И тотчас та самая ладонь упала на его запястье, удержав клинок в полудюйме от морщинистого лица. Но было уже поздно.

Возможно, убежденная в своей победе богиня ослабила контроль над телом своей жрицы, а возможно, даже Бесмертных можно поймать врасплох, но хватило и того, что старуха вскрикнула испуганно и отпрыгнула назад, с размаху пнув ведро.

Кость упала с него и исчезла в куче мусора.

В закоулке снова воцарилась тишина, но на этот раз тишина эта была иной, чем в прошлый раз. Густой и мрачной. А когда Йатех взглянул на встающую с земли Лабайю, то увидел уже не старуху, но лишь Присутствие. Приведенную в бешенство богиню.

— Ты-ы-ы-ы... — Казалось, голос ее резал воздух.